

«ЕСТЬ ГОРОД, КОТОРЫЙ...»

...Эх, сбросить бы обувь, а в придачу годков этак с полсотни и побежать наперегонки со своим закадычным другом по серым тротуарам, мощенным кусками лавы со знаменитого Везувия, запрыгать по обочинам из камня-дикаря, на котором нет-нет, да и проступает морская соль, поковыряться по бархатной зеленой траве, где так долго прячутся росы, а в полдень лениво стрекочут сонные кузнечики, умиротворенные изнурительным летним зноем...

...Или догоним проезжающую по улице подводу-площадку, запряженную парой добрых конячек, и проедем (на дурницу!) — целый квартал за спиной одного из представителей вымирающего — увы! — племени биндюжников? Глаза лошадей сбоку прикрыты кожаными щитками, чтобы животные чего-либо не испугались в городе и "не понесли". Возница оглянулся и беззлобно замахнул на нас кнутом...

...Под бдительным взглядом кошечек-копилков по старинным комодам, покрытым кружевными салфетками и вышивками, маршируют батальоны приносящих счастье алебастровых слоников. Они осторожно — слоны все-таки! — обходят хрупкие розовые раковины, привезенные откуда-то из далеких южных морей, омывающих те самые таинственные острова, куда так неудержимо уносятся мальчишеские мечты.

...Оперный театр-великан с предательскими трещинками-морщинами, сбгающимися из-под самого купола вниз по серому фасаду здания, как горькие слезы по щекам заболевшего или капризного ребенка, сидящий на толстой стеклянной подушке, продлевающей ее владельцу на долгие-долгие годы жизнь, и озабоченно ищущий грустным взглядом своего старого друга — фуникулера, убегающий с обрывистого каменистого склона вниз, к берегу самого синего в мире моря, где живет и трудится другой великан — Одесский порт.

...Пыльная, знойная и желтая, как пятак, Молдаванка. Охра стен...

...Серо-голубая Слободка. Побеленные фасады домиков с деревянными прочными воротами, выкрашенными в красный цвет, наглухо запираемыми в вечернюю пору...

...Отмели Хаджибейского лимана. Красно-фиолетовые хвощи на белесых прибрежных солончаках. Излучина дамбы. Пронзительная синева небес. Оглушающая тишина...

...Романтичная и загадочная Аркадия с полуразрушенными гrotами-ресторанчиками из камня-дикаря. Бывшая дача князя Гагарина на плато. "Казачьи-разбойники" и другие мальчишеские забавы. Белые, желтые и синие бабочки. Очень много стрекоз...

...Вишнево-абрикосовые и клубничные оазисы Среднего и Большого Фонтанов. Уютные тенистые беседки, обвитые виноградом Лидия и Дамские пальчики.

...Глубокие подвалы, где вкусно пахнет дровами. Здесь также продают керосин, уголь, иголки для примусов и какую-то горючую, пригодную для питья — распробовали! — жидкость розового цвета.

...А вот и некогда грозная пушка, снятая в середине позапрошлого века с затонувшего английского фрегата, повернутая на каменном постаменте жерлом к морю и с тех пор не сделавшая ни единого — ни единого! — залпа, но когда-то, в годы Крымской войны, сердито облаившая побережье и совсем еще юный город.

Местные шутники говорят, что если к пушке подойдет целомудренная девушка, пушка обязательно — обязательно! — выстрелит. И полетит в сторону Одесского залива огромное чугунное ядро, распугивая на своем пути непрерывно кричащих чаек, а при падении в воду — и мелких, становящихся легкой добычей тех же чаек, легкомысленных рыбешек, греющихся под самой поверхностью моря, где так хорошо чувствуются теплые лучи солнца.

Правда, для этого красавица должна сама, без посторонней помощи, вкаты в жерло пушки тяжелое ядро, зажечь фитиль, поднести его к запалу и... Ну, какой нынче красавице это по силам?

...То там, то тут мелькают на улицах черные нотные папки с дерматиновыми барельефами Чайковского (анфас) и Моцарта (в профиль). Хороший подарок имениннику — книга (необязательно новая!), авторочка, бюстик Пушкина или Маяковского (Горького), просто торт.

...Изложения, сочинения, пифагоровы штаны, параллельные прямые, которые где-то за горизонтом обязательно пересекутся. Иногда во сне не можешь сдать экзамен по математике (этот ужасный сон изредка снится даже спустя много лет). Последние парты — для "особо тупых" — второгодников-переростков, слава о физической силе которых разносится далеко за пределы родной школы.

...Светит ласковое солнышко. Замещающие соловьев воробы своим щебетанием теребят нежные струны в душах горожан. Теплый ветерок развеивает замечательные кудри в прическах не менее замечательных их обладательниц.

Из распахнутых окон консерватории выплескивается на улицы хаос из звуков роялей и скрипок, валторн и флейт, баянов и фаготов... Баритоны тужатся переплюнуть теноров, а высокие звуки лирического сопрано мечтают затмить нижние октавы бархатного контральта. По тротуару разгуливают неповоротливые голуби-сизари, безуспешно пытающиеся склеивать черные, угольно-поблескивающие нотки, подозрительные бемоли и диезы.

...Игры "в войну", цурки, орлянку, футбол на "полянах"... Маялки, рогатки, самодельные луки, сачки для ловли бабочек, шарики, набитые опилками, на резинках...

...Цветы в городе? Анютины глазки, маргаритки, петунии, чернобрицы (чернобровчики!), оранжево-красные цветки канов на сочных кукурузных стеблях... Птицы в городе? Воробы, голуби, вороны, ласточки...

...Мраморный Лаокоон, на которого сочувственно смотрят его сыновья, зажмурил глаза, возможно, не только от боли, которую ему причиняют объятия гигантского змея, но и от стыда за тех вандалов, которые — пусть и в далекие времена, когда скульптура находилась в другом районе города! — постоянно отбывали у него важную часть обнаженного мужского тела, постоянно восстанавливаемую — но уже из гипса! — мастерами-скульпторами. В конце концов, по этой причине, а также из-за опасности разрушения мраморной копии осадками и выхлопными газами античное семейство вместе со змеем оказалось на зеленой лужайке перед Археологическим музеем, где статую на зиму заботливо укутывают в водонепроницаемые одежды и закрывают деревянным саркофагом.

А совсем рядом, в одном из залов музея, спит в настоящем саркофаге зубастая египетская красавица, а у входа в музей дремлет безликая Каменная Баба — творение безвестного язычничанно-скульптора, отшлифованное не только инструментом древнего мастера, но и жаркими ветрами сухих ковыльных степей, ныне почти напрочь распаханных и оставшихся лишь в описаниях дотошных натуралистов да в небольшом заповедном массиве бывших асканийских владений барона Пфальц-Пфейна.

...Слухи, слухи... Говорят, что в каждый апельсин (фрукты привез иностранный корабль!) еще "там!" сделали какой-то укол, и вкушать сей "субтропик" якобы небезопасно... Какой-то старичок выиграл по золотому займу десять тысяч рублей и упал в обморок. В сберкассе билет кассирша как будто быстро подменила, а выигрыш дедули уже составил сто тысяч. Так-то!.. В городские аптеки по вечерам якобы заходит какой-то кавказец и при словах "Раз, два!" быстро распаивает и также быстро запаивает полы шинели, под которой сей гражданин абсолютно голый. В одной, как говорится, отдельно взятой аптеке вот такое "Раз, два!" повторяется несколько раз с небольшими интервалами...

...Жаркий летний день, птичий снегопад над солонными песчаными отмелями. На мгновение крик чайки замедляется, и она бросается в шум прибоя, чтобы продолжить свой путь под водой в поисках добычи. И вот она уже снова парит над волнами. В тихую погоду гортанный, резкий крик чаек разносится по безлюдным берегам и песчаным отмелям. Эхо уносится далеко в глубь степей по спускающимся к морю оврагам и балкам, склоны которых заросли чумаком, дикой акацией, серебристым лохом, тамариском... А внизу оврагов поют свои звонкие песенки веселые ручейки, которым так неохотно отдают живительную влагу сухие причерноморские степи.

...Шарахающиеся в разные стороны лужи. Припудренные крупным бисером тумана, нервно вздрагивают и болезненно чихают на фасадах карточных домов пустотелые атланты и кариатиды.

...По городу с гитарой, перевязанной розовой атласной лентой, в опрятной светлой одежде ходит еще не старый нищий-дурочок. Его имя — "Мишка режет кабана, Мишка задается". Собранный мелочь высыпает в округлое отверстие в гитаре.

Последний раз я видел его возле табачной фабрики на залитой солнцем Тираспольской улице. "Мишка режет кабана" куда-то торопился. Он прошел в двух шагах от меня, чуть наклонив голову, смущенно улыбался и выглядел вполне разумным. Рассказывают, что Мишеля задержали, когда он зарисовывал план какого-то пригородного военного аэродрома.

...В моде кепки, тубетейки, соломенные шляпы, тельняшки, ковбойки, вышитые украинские сорочки, матросские брюки "клев", которые вскоре сменятся стилистическими "дудочками"... Сандалии, голши, туфли "на босу ногу", костюмы из парусины... Белые туфли — тоже парусиновые! — ежедневно (чтобы были еще белей!) красят зубным порошком...

...Рядом с канатным заводом, на месте старого чумного кладбища, засыпанного известью, невысокая гора — Чумка! Добрый десяток лет после войны на ее плоской вершине — на всякий случай! — была батарея зениток, которую можно было наблюдать — совсем рядом! — из окон трамвая, следующего напрямик к Люстдорфскому пляжу. В вагоне кто-то взахлеб рассуждает, что неплохо-де раскопать сей курган, под которым золотых украшений вполне достаточно, чтобы очень даже нарядно погудеть.

...Пряный аромат уже подвяленных южным солнцем бурых водорослей, которыми набивали свои матрацы даже зажиточные — в свое время! — горожане. Этим матрацам была свойственна мягкость перин из легкого птичьего пуха и упругость значительно позже появившихся металлических пружин. На этих матрацах спали, любили, рожали и умирали. Специфический аромат йода и морских солей становился обитателем жилищ многих одесситов, ощущавших этот аромат всю свою жизнь — от первого крика до последнего вдоха. Кто знает, может быть, именно с этого специфического аромата и начиналась тяга одессита к морю, морским путешествиям и дальним-предальним странам.

...В трамвае: "Передайте водителю, чтобы повернул направо!.."

...В переполненный троллейбус заходят новые пассажиры. Кондуктор: "О! Свеженькие... Пассажиры, подожмите животики — кондуктор идет!"

...На "Приводе". Женщины-продавец покупателю: "Так что у вас ко мне купить?"

...У киоска с газированной водой: "А я вам говорю, что в этой газировке сегодня меньше газа, чем вчера! Чего я так решил? Вчера газ был крупнее!.."

...По местному радио передали, что над городом вечером пролетит спутник. Первый! На Потемкинской лестнице полгорода, задррав головы вверх, нетерпеливо отыскивает взглядом маленькую звездочку... "Ура! Летит!" Вначале пролетел самолет...

...Городской сад. Бронзовые львы, покрытые сине-зеленой, как бирюза, патиной, невозмутимо глядят в ночное звездное небо, где тихим эхом солнца светится чуть подернутый облаками лик бледной луны.

...Цветение акации начинается внезапно, бурно, под аккомпанемент майских громовых раскатов и барабанную дробь ливня.

Цветки акации — лакомство для мальчишек; позже это будут белые и темно-красные ягоды шелковицы, а осенью — сладкие рожки-стручки колючей гледичии.

...Импровизированные качели, огораживающие каменный монумент с бронзовым генерал-губернатором — графом Воронцовым. Мы росли, тянулись вверх, а цепи у памятника со временем все больше обвисали — как от нашей тяжести, так и от усилий более легких карапузов, которых как магнитом притягивало к этим к позвякивающим металлическим кольцам. А когда со временем цепи растягивались и в средней своей части касались каменной площадки, приходил мастер и вынимал одно звено из цепи, которая становилась короче. На этих цепях любил раскачиваться мой сын. Теперь это занятие по душе моему внуку...

...Большой футбол. Конная милиция у стадиона в парке над морем. Съедается тонна-другая жареных семечек и красных вареных рачков. Директор стадиона после каждого матча сдает в приемный пункт несколько машин стеклотары. Кто-то позавидовал, напечатали фельетон...

...Бронзовый Пушкин — без рук и без ног! — у здания городской думы, белизна колонн которого даже в кромешной тьме освещает маленькую площадку за спиной поэта. Отсюда и начинается улица его имени.

Особенно хороша Пушкинская в утренние часы, когда росы нежно труют щеками о золотистые стволы платанов, а соленая свежесть моря, вытесняемая шумом и запахами дня, не спеша, отступает на прибрежные склоны по мокрой булыжной мостовой. А где-то наверху уже радостно синее небо, и солнечные лучи осторожно гладят заплатки на крышах ветхих памятников архитектуры.

...Как? Вы не знаете, сколько ступенек у Потемкинской лестницы? Подобно Аферодите, вышедшей при рождении из морской пены, великая лестница начала свой разбег от морских вод в гортанном снегопаде чаек.

(Окончание на 12-й стр.)

«ЕСТЬ ГОРОД, КОТОРЫЙ...»

(Окончание. Начало на 11-й стр.)

Она стремительно убежала вверх, соединив, подобно радуге, две стихии — морскую и земную. На широких боковых ступенях-площадках лестницы иногда молчаливо сидят морские чайки, по-видимому, озабоченные своими птичьими думами о некогда богатых здесь рыбных местах. В такие минуты они очень похожи на своих сородичей, увлекаемых генетической памятью далеко от моря, в глубь степей, и сидящих неподвижно на черно-фиолетовой пашне, как маленькие последние островки тающего снега.

...Упругий солнечный луч пробился через разрывы в облаках, расплескался в разноцветной мозаике водной ряби, вспыхнул живым серебром в косяках снующей в темно-зеленых морских глубинах фирины и, отразившись от воды, запрыгал зайчиками на бортах находящегося у причалов лодок и небольших катеров, всхлипывающих и причмокивающих при каждой набегающей или уходящей вспять волне.

...Говорят, что памятник Дюку хранит какую-то тайну! И что же означает сей изящный жест бронзового вельможи? Разумеется, Дюк хочет снять с ночного небосвода горсть ярких маленьких звездочек, ведущих свой веселый и бесконечный хоровод где-то на бесконечных просторах Млечного Пути, и бросить их праздничным серпантинном, вдруг покатишимся звонкими серебряными монетками под ножки ветреным, нежным и пылким южным красавицам.

А может, градоначальник пожелал сорвать рыхлую виноградную гроздь с крупными янтарными, покрытыми сизым восковым налетом ягодами, из сока которых по-

читателями Бахуса будет изготовлен брызжащий пеной, игристый, так разжигающий страсть ко всем мирским радостям напиток, до которого был даже охот опальный и любвеобильный поэт, проживший в Одессе тринадцать месяцев и обессмертивший свое имя не только романом в стихах и другими замечательными произведениями, но и полезным советом на все времена и для каждого из живущих на Земле, к кому придет онегинский сплин, хандра и черные мысли: "Откупори шампанского бутылку иль перечти "Женитьбу Фигаро".

...Маленький цветник, оголенный заборчиком из камня-ракушечника, во дворе на Дегтярной улице. От толстого слоя цемента, почему-то плохо пристававшего к камню, детвора отламывала куски для игры в "классы". Когда-то, за год или два до революции, по дорожкам этого цветника гуляла моя мама; она была совсем маленькой, в белом платьице, опоясанном таким же белым пояском, а в прямые русые волосы был вплетен большой белый бант. Но прежде чем ступить на дорожки цветника, мама подняла голову и смотрела на окно, из которого выглядывала хозяйка (вскоре ставшая "бывшей") дома.

— Тетя! Можно я пойду в садик?

— Можно! Иди, девочка, погуляй!

И мама-девочка осторожно, чтобы не поломать нежные стебли растений, ступала по дорожкам цветника.

Родители у мамы умерли, когда ей еще не было и двух лет. Воспитывали ее родной брат, старше своей сестры — и такое бывает! — почти на двадцать пять лет (мой дедушка!), и его жена (моя бабушка!). В год рождения мамы дедушка посадил во дворе четыре тополя, поднявшихся со временем высо-

ко над дворовыми крышами. И каждой весной опадающие с тополей мужские цветки-сережки окрашивали апрельские лужи в сиренево-фиолетовые чернильные цвета. Так уж случилось, что именно в год смерти матери спилили и одряхлевшие, засыхающие тополя. Сейчас во дворе нет ни деревьев, ни цветника, только черный асфальт над камнями, по которым суждено было ходить. Ах, детство! Ты — память сердца, пробирающаяся, подобно зеленой тополиной поросли, через асфальт вверх, к голубому небу, благодаря ласковым и надежным материнским корням.

...Рассказ, услышанный в детстве от соседей. Тот же двор на Дегтярной улице. Маленькому Доду Ойстраху больше по душе играть с детворой в "жмурки", чем пиликать на скрипке. Мать будущего маэстро — простая женщина (отца соседи не помнили) — иногда для его остротки применяла обыкновенную качалку для теста. Поневоле вспоминается куплетист-киногерой, вопрошавший: а не нуждается ли творческая личность в некоем руковождении? Что ж, в начале пути это, по-видимому, может быть и качалка, правда, в материнской руке.

...В дом номер тринадцать попала немецкая бомба. Его постепенно восстанавливают из руин. В нем когда-то проживал гражданин, командированный в наши благословенные края на борьбу с ужасно прожорливой саранчой... И теперь сей муж — бронзовый, конечно! — вышел из упомянутого дома-музея прошвырнуться по улице своего же имени.

Стиляга, да и только: черный фрак и красная рубашка. Одет то есть, не то чтобы не по моде, а крайне вызывающе. О чем в свое время графу Воронцову между делом и было доложено-с.

Впрочем, последний от про-странных комментариев по сему поводу удержался: "М-да-с!"

Итак, снова великий Пушкин ("Здравствуйте, Александр Сергеевич! Почему отойди? Ну, извините!") с массивной — пудовой! — тросточкой в крепких руках. Сильный был мужик, колотил, кстати, не раз этим дрынком в свое время по спине одного из одесских извозчиков, о чем тот без утайки даже поведал свету в своих мемуарных интервью. Интересно, что спина вышеупомянутого каретного шофера от сих африкано-поэтических экспромтов будущего камер-юнкера ничуть не пострадала. Сейчас таких спин уже нет. Поэтому городское бюро экскурсий и путешествий (хотите — верьте, хотите — нет!) не рекомендует экскурсантам, особенно праправнукам ме-муариста-извозчика, близко подходить к сему изваянию — во избежание возможных неприятностей.

...Школа для вундеркиндов, где не было и не могло быть черной зависти к успехам другого. Пятилетние малыши выходили на сцену в обнимку со своими скрипками-четвертушками, в сопровождении добрых тет-аккомпаниаторов. Бережно сложенные пожелтевшие афиши... Засушенные между нотными страницами цветки сирени, акации и почему-то обязательно мальвы... До сих пор в ушах самые дорогие сердцу аплодисменты... И сам Столярский одобрительно кивает со стены...

...Но разве может мир состоять из одних вундеркиндов? А кто же будет строить дома? Пахать и сеять? Водить автомобили? Готовить обеды для тех же вундеркиндов?

Ау, вундеркинды! Где вы нашли свое счастье? Здесь, на родной земле? За семью

морями и океанами? Куда вас раскидала судьба? Ау! И никогда уже нам не собраться всем вместе, и не поговорить "за всю Одессу", и не похвастать друг перед другом прочитанной книгой или удачной рыбалкой...

...Дни становятся короче. Сентябрьское, еще теплое море слепит мириадами отражений небесного светила, которое, совершая обычную прогулку по небосклону, уже не достигает в полдень своего прежнего зенита, но еще обливает горожан и гостей этого южного города шоколадным загаром, золотит багрянцем листья каштанов и акаций, а к вечеру, как ему и положено, уходит с достоинством за горизонт, где небо становится кроваво-красным, что является, как известно, предвестником ненастной и ветреной погоды.

А назавтра пастух-ветер будет гнать к побережью себестрийские барашки волн, надуть щеки-паруса снующих по Одесскому заливу белоснежных яхт, обрывать сохнущие во дворах и на балконах белье, поднимать клубы серо-желтой пыли, вечной спутницы этого города, еще в свое время недобро упомянутой, как и одесская грязь, высоким пушкинским слогом, и с любопытством приподнимать края одежды на загорелых ножках юных капризных одесситок.

...Да! "Я учился в школе Столярского..." И сладко-сладко защемит сердце, и ты станешь маленьким-маленьким, а твоя виолончель — огромной-преогромной, как бегемот... И мама с папой еще живы!.. И так будет всегда!.. А если случится неизбежное, то когда-а-а это еще будет, а скорее всего — не случится никогда!

Виктор МАКИЕНКО.
Одесса.

ВСЕ ЭТОТ ДЖАЗ

Он летал по улицам летней Одессы так же, как его руки летают по клавишам рояля. Я бегала за ним, пытаясь уловить музыку суэты, музыку его напряжения, музыку напряжения его души. Мне хотелось узнать, о чем музыка молчит.

— Юра, о чем молчит музыка? — спросила я его на бегу. Он, не останавливаясь, стал импровизировать, и мне показалось, что он сел за рояль.

Что такое импровизация? У музыки всего семь нот, а сколько они рождают мелодий; в каждой минуте всего шестьдесят секунд, а сколько они рождают мыслей. Мысли — это импровизация времени, а импровизация времени — это диалог между нашими душами, когда они созвучны. Мне кажется, что я тоже сижу за роялем и импровизирую.

— Когда музыка молчит, она печалится, — говорит мне Юра, — она печалится о том, как страшно, что люди уничтожают друг друга.

Есть ли смысл в том, чтобы люди уничтожали друг друга? Смысл рождает бессмыслицу, или бессмыслица убивает смысл? Вопросы — это импровизация мысли. Сколько дней у вечности? Я начинаю считать дни, проведенные вне музыки, и мне кажется, что я и не жила вовсе. И Юра не жил. Это мой подарок юбиляру. Он думает, что

ему пятьдесят. Да нет же, он новорожденный. Пятьдесят лет с музыкой — это момент истины, как крик ребенка, только что появившегося на свет. Вечность импровизирует удивительным образом, вкладывая в избранных таланты. Талант Кузнецова достоин вечности, и это обоюдно. Руки его рождают звуки, эти звуки рождают удивительную музыку, которая тут же становится нашей. Юра, ты на сцене, а музыка наша! Как я люблю импровизацию! Давай, как в детстве: в четыре руки на одном рояле:

— Какая у тебя любимая нота?

— Нота? До! Она первая, как первая любовь. Первая нота, которую я узнал.

— А я до сих пор узнаю эту ноту. А первую любовь я так и не узнала — наверное, потому, что не встретила с тобой. Ой! А на какую ноту похожа твоя жена?

— Трудно сказать. На аккорд, наверное.

— В какой тональности?

— Ну, в соль-мажоре, наверное.

Странные вопросы, меня никогда о таком не спрашивали.

— А это трезвучие или септ-аккорд?

— Это самый естественный, гармоничный, самый простой аккорд, который может быть.

Простых аккордов не бывает, как и простых отношений между

людьми. Встречаются два человека, и выясняется, что кто-то любит импровизировать, а кто-то — нет. А если импровизируют оба, то каждый по-своему. Блаженство приходит вместе с гармонией. ГАРМОНИЯ! Вот она — нота до нашей жизни, начало радости и счастья. От гармонии до хаоса один шаг, утверждает джаз. От хаоса до гармонии — полшага, утверждает руки Кузнецова, когда летают по клавишам рояля, а послуховые звуки летят к нам навстречу, и музыка становится нашей. Как я люблю импровизацию! Давай, как в юности: в четыре руки на одном рояле:

— Назови семь любимых женщин, если это звукоряд.

— Нота до — мама. Ре — бабушка. Ми — сестра. Фа — певица Галина Олейниченко. Нота соль — это... моя покойная дочка Оля, потому что это центральная нота, середина между до и до. Нота ля — мама моей дочери. И нота си — это мой директор, директор Клуба высокой музыки, моя жена. А нота си перетекает в ноту до.

Жизнь — это то, что перетекает из ноты си в ноту до, из конца в начало. Причем мне кажется, что это происходит каждый день. Внезапно день заканчивается, но тут же начинается новый, не дав возможности отдохнуть. Интересно, отдыхает ли

музыка? И что такое начало музыки, и что такое ее конец?

— Начнем с конца, — сказал Юра, — потому что конца у музыки нет, потому что она будет существовать дольше, чем человечество.

Как это здорово! Теперь я поняла, что такое вечность: это музыка. Бетховен, Моцарт, Шопен, Кузнецов. Смело? Да! Но ответственно, потому что каждый из них — начало музыки.

— Для меня начало музыки, — продолжает импровизировать Юра — когда начинаешь играть самого себя, то есть свою точку зрения, когда имеешь право ее высказать.

Достаточно ли одного таланта, чтобы начать высказывать свою точку зрения? Возможно, нет. Но именно он помогает познать время, чтобы пересечь пространство там, где начинаются и гармония, и импровизация. Как я люблю импровизацию! Давай сейчас — на одном рояле, в четыре руки:

— Сколько струн у рояля?

— Столько, сколько нужно Богу.

Рояль — это совершенное творение, это Моцарт и Бах вместе. Как-то дурацкие молотки, суставы, клавиши, дерево и железо, в сумме — живое существо.

— А если рояль чем-то расстроен?

— Я его победил всегда и отдавал людям свою музыку.

— Имеет ли музыка запах?

— В каждом зале музыка пахнет по-другому.

Ну, конечно! Даже в начале концерта и в конце она пахнет по-раз-

ному. В начале она пахнет детством, а в конце — аплодисментами. Юра Кузнецов любит все "выдохать" до концерта. Он каждый раз медленно обходит пустой зал, пытаясь понять, с какими испытаниями ему придется столкнуться. Каждый ряд и в партере, и на галерке несет ему свою энергию будущих аплодисментов — сладкую энергию успеха. Она переплетается с талантом и мастерством. Так рождается концерт, так рождается музыка, так рождается имя. И отступают страх, усталость. Усталость по имени "пятьдесят за плечами" и самый страшный страх, что ты уже свое отыграл, что ты играешь свое "вчера". Настоящее становится сказкой, а сказки бродят за границей нашей памяти. Самые сказочные из них — музыкальные. А самые загадочные похожи на светлую грусть. СВЕТЛАЯ ГРУСТЬ! Между прочим, так называлась первая композиция Юры Кузнецова, которую он написал в студенческие годы. Откуда приходит свет в душу, когда она грустит? Его приносит талант, а талант — от Бога. Бог с ним, если кто-то не доверяет таланту, Бог с ним, если кто-то не помогает таланту. Это только в сказках все хорошо.

Давайте подарим и Юре сказку, так же, как он дарит нам музыку, чтобы у него все было хорошо. И, может быть, тогда за пределами шоу-бизнеса мы перестанем говорить о беспределе.

Елена ПАЛАШЕК-СТОРОЖУК.